

ЛИНГВИСТИКА

Грамматика

А.Д. Каксин

Типы языковой модальности и глагольное наклонение в языках агглютинативного строя

Аннотация. Статья посвящена вопросам языковой модальности, определению семантико-грамматических категорий, их взаимодействию и средствам выражения в агглютинативных языках (на примере хантыйского языка). В последнее время, отдельно от «традиционной» категории модальности, лингвисты конституируют другие категории этого же уровня, и данный подход осуществлен в предлагаемой статье.

Article is devoted to questions of a language modality, definition of semantic-grammatical categories, their interaction and means of expression in agglutinative languages (on the example of the Khanty). Recently, separately from «traditional» category of a modality, linguists constitute other categories of the same level, and this approach is carried out in offered article.

Ключевые слова: модальность, семантико-грамматическая категория, эвиденциальность, миративность, глагольное наклонение, агглютинация.

Modality, semantic-grammatical category, evidentiality, mirative, verbal inclination, agglutination.

УДК: 811.511.

Контактная информация: Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 92, а/я 14. Тел./ факс: (390-2) 22-34-94. E-mail: adkaksin@yandex.ru.

В последние два десятилетия понятие языковой модальности стало очень широким и неопределенным, и мы думаем, что в описаниях разных языков необходимо структурировать «широкую модальность», другими словами – разделить модальность и другие семантико-грамматические категории уровня модальности. На материале одного из языков финно-угорской семьи (языков, агглютинативных по преимуществу) нами анализируются грамматические средства выражения семантико-грамматических категорий модальности, эвиденциальности и миративности. Более конкретно – под этим углом зрения рассматриваются формы категории глагольного наклонения в хантыйском языке, в том числе – аналитические формы косвенных наклонений.

В европейской и российской лингвистической традиции, связанной с изучением флективных языков, не находится постулатов об иных наклонениях, кроме уже обозначенных: видимо, сам материал флективных языков не дает повода к другой интерпретации отношений между глагольными формами с модальным содержанием [Виноградов 1950; Балли 1955: 69–82; ЛЭС 1990: 303–304; Темпоральность. Модальность 1990; Flämig 1959; Grundzüge 1981].

Модальность, эвиденциальность и миративность во многих уральских языках еще не были предметом специального исследования; в работах финно-угроведов упоминается только об определенных средствах выражения модальных и эвиденциальных значений в том или ином языке. Грамматические описания и словари, к примеру, хантыйского языка, содержат мало информации по глагольным наклонениям, модальной и эвиденциальной лексике. Таким образом, статья посвящена изложению промежуточных результатов последнего по времени исследования грамматических средств выражения модальности, эвиденциальности и миративности в одном из малоизученных финно-угорских языков, в хантыйском. Она представляет собой также первый опыт «отделения» от модальности двух семантико-грамматических категорий этого же уровня (категорий эвиденциальности и миративности).

Проблематика типологического изучения различных языков также нашла отражение в статье. Эта проблематика, как известно, остается в центре внимания современной лингвистики ввиду практической значимости главных положений языковой типологии для задач преподавания того или иного языка на базе родного. Актуальность исследования становится более очевидной, если учесть, что в теоретическом плане вопрос о категориях эвиденциальности и миративности и их соотношении с категорией модальности в языкознании исследован недостаточно. Также не в полной мере выявлен семантический потенциал косвенных наклонений многих языков, недостаточно изучено взаимодействие семантико-грамматических категорий, а также взаимодействие этих категорий с другими категориями подобного уровня в агглютинативных языках. К примеру, в финно-угорских языках вне

поля зрения грамматик остается целый ряд морфологизованных глагольных конструкций, аналитических форм и сочетаний, выражающих модальные, эвиденциальные и другие подобные значения.

Современный хантыйский язык – прежде всего его диалекты; литературный хантыйский язык (в строгом понимании) еще не сложился, но в качестве такового выступает та форма хантыйского языка, основой которой послужил казымский диалект. На этом диалекте пишут журналисты окружной национальной газеты «Ханты ясаң» («Хантыйское слово»). По вопросу о диалектном членении хантыйского языка в нашей работе принимается классификация В.Штейница: констатируются три диалектные группы (северная, южная, восточная), а атлымский и салымский диалекты характеризуются как смежные, или промежуточные [Штейниц 1937: 194–196]. В качестве примеров приводится материал казымского диалекта, выбранный из газетных текстов (помета ХЯ с датой выхода) и полевых материалов автора (помета ПМА с датой записи).

Мы в целом принимаем данный набор модальных значений, думаем, что они существенны и в хантыйском языке, все составляют поле модальности, за исключением значений утверждения / отрицания и качественной оценки, которые в каких-то случаях могут «подправлять» модальное значение, но непосредственно к модальным не относятся. В своей характеристике категорий модальности, эвиденциальности и миративности мы опираемся на суждения о категориях хантыйского глагола, которые высказаны исследователями в последние десятилетия [Черемисина, Ковган 1989; Черемисина 1992: 84–85; Николаева 1995].

Но мы знаем также, что многие авторы, напротив, отстаивают более узкое понимание модальности, ограничивая ее несколькими значениями из перечня, приведенного в коллективной работе. При этом, как правило, устанавливают иерархию модальных значений. За инвариант принимается объективная модальность – значения времени и реальности / ирреальности, заключенные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий времени и наклонения. Значения, в которых заключено отношение говорящего к содержанию высказывания, называются при этом субъективно-модальными. Указывается также, что они выражаются средствами различных уровней языка – интонацией, грамматическими конструкциями, лексикой, словорасположением, тесно взаимодействующими друг с другом. Такое понимание модальности представлено во многих работах, особенно учебного характера. Например, в учебнике для вузов объективной модальностью называется категория, которая обязательна для любого предложения, а стандартным средством ее оформления признается категория наклонения. Напротив, субъективная модальность, по автору, выражает отношение говорящего к сообщаемому и не является обязательной; она может оформляться различными лексическими средствами, например, вводными словами, модальными частицами, междометиями [Кронгауз 2001: 234].

Мы придерживаемся широкой трактовки понятия «модальность», но при этом эвиденциальность и миративность рассматриваем как отдельные категории, реализующиеся в формах эвиденциальных и миративных наклонений; по другой терминологии – признается наличие эпистемической модальности и эпистемологических наклонений [Козинцева 1994: 98; Черемисина 1998: 65–66].

Модальность, эвиденциальность и миративность в хантыйском языке – грамматические категории, поскольку выражаются грамматическими формами наклонения-времени. Другими словами, они полностью соответствуют основным понятиям грамматики, принятым в общем языкознании: грамматическая категория – система противопоставленных друг другу рядов *грамматических форм* с однородными значениями; в свою очередь, грамматическая форма – это языковой знак, в котором *грамматическое значение* находит свое регулярное (стандартное) выражение, а грамматическое значение – обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов [ЛЭС 1990: 115–117].

Ряд грамматических форм образует парадигму той или иной категории. В понятии *форма*, применяемом при анализе парадигм, может быть усмотрено несколько употреблений. Говорят вообще о форме той или иной категории: это «форма наклонения», «временная форма» и т.п. Другой случай – когда имеется в виду одна определенная форма из числа составляющих парадигму, например форма изъявительного наклонения. В этом случае указывается категориальное значение формы, вытекающее из ее оппозиции другим формам данной грамматической категории. Термин «форма» в нашей работе употребляется в обоих названных смыслах, а также для обозначения синтаксической функции (финитная / инфинитная форма) и способа выражения грамматического значения (синтетическая / аналитическая форма).

Основу парадигмы грамматической категории составляют синтетические формы, в которых лексическое значение основы и вносимое переменное грамматическое значение выражаются в одном слове. Но в парадигму могут быть включены и аналитические формы, если они выражают какое-либо грамматическое значение, входящее в содержание категории. Аналитическая форма – сложное слово, в составе которого носителем грамматических значений является вспомогательный элемент, а знаме-

нательная часть либо не изменяется, либо выражает категории согласовательного типа.

К понятиям финитности / инфинитности исследователи обращаются при описании грамматического строя многих разноструктурных языков: эти понятия составляют содержание категории репрезентации. Употребление данной терминологии позволяет более точно характеризовать функции глагольных форм. Финитными называются все формы «собственно глагола», глагола в узком смысле этого термина, которые в предложении бывают простыми глагольными сказуемыми. Финитным формам противопоставляются инфинитные, которые в разных языках представлены очень разными – и количественно, и качественно – наборами форм (причастия, деепричастия, герундии, супины, имена действия). В хантыйском языке система инфинитных форм небогата: здесь всего одно деепричастие (с показателем =ман) и два причастия [Черемисина, Ковган 1989: 5–6]. Но инфинитные формы в хантыйском языке способны выступать в функции конечных глагольных форм в предложении. Именно это обстоятельство позволяет говорить о наличии в хантыйском языке отдельных форм наклонения неочевидного действия и эвиденциалиса (последние являются также формами перфекта).

Вернемся к модальности и категориям ее уровня. Модальность, как известно, – категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого [ЛЭС 1990: 303–304]. Эвиденциальность нужно понимать как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации [Козинцева 1994: 92; Плунгян 2000: 321]. Миративность представляется как значение неожиданности: нечто новое еще не является частью картины мира говорящего [Скрибник 1998: 205]. Далее для нас важно то, что главным средством грамматического оформления модальности, эвиденциальности и миративности является категория глагольного наклонения, в хантыйском, как и во многих других языках, сопряженная с категорией глагольного времени.

Традиционно «наклонение» по отношению к «времени» считается категорией более высокого порядка: изменение по временам происходит после того, как глагольная форма уже мыслится принадлежащей к определенному наклонению. Материал множества языков (в том числе хантыйского и мансийского) позволяет говорить об определенной схеме взаимоотношений двух названных категорий. Наклонение и время в этих языках можно рассматривать как одну *гиперкатегорию* «наклонения-времени». Целесообразность такого подхода отстаивается многими лингвистами, особенно теми, кто занимается языками агглютинативного строя. Формально-структурное объяснение этому явлению дает *грамматика порядков*. Сама грамматика порядков в своей завершенности сложилась к середине 70-х гг. XX в., когда была реализована применительно к тюркским языкам. После этого она сама стала служить инструментом анализа некоторых сложных вопросов грамматики, в том числе проблемы сопряженности категорий наклонения и времени. Объяснение этой сопряженности с помощью понятия «порядок» представлено, в частности, в работе В.С. Храковского и А.П. Володина [1986], в которой сформулировано следующее положение: нет двух порядков отдельно для наклонения и отдельно для времени, а есть один порядок для двух категорий. Наклонение характеризует реальность / нереальность сообщаемого факта с точки зрения говорящего. Определение времени характеризует такие явления, которые составляют часть явлений, характеризуемых категорией наклонения. Нет различных временных и модальных отношений, а есть реальные (временные) и нереальные (невременные) отношения, которые в агглютинативных языках – а можно думать, и в любых других – не выражаются совместно в одной глагольной словоформе [Храковский, Володин 1986: 64–67].

В хантыйском языке ситуация выглядит именно так. Собственно финитные формы хантыйского глагола (к ним мы относим и аналитические) выражают временные значения (т.е. значения реалиса) или не выражают время (имеют значения ирреалиса). Это формы индикатива, императива и других косвенных наклонений (кроме эвиденциалиса и миратива):

И хой камн вера сыяңа ўвл? [ПМА 1986] ‘Кто там на улице так громко кричит?’; Упен пила мулхатл хўв пугартсум [ПМА 1987] ‘С твоей старшей сестрой вчера долго разговаривала’; Айлат ёх иситы омася яксат мултыкем пуш. Кашинг як муи па ар ариюм юпийн, мунг хув мар ёшпатлув вотся сэнгкман лольсув [ХЯ 17.04.99] ‘Молодые люди также забавно плясали несколько раз. После каждого танца и каждой песни мы долго, хлопая в ладоши, стояли’. Семантика этих форм описана достаточно подробно на материале казымского и обдорского диалектов хантыйского языка [Кошкарева 1986, Николаева 1995: 121–125].

Эвиденциалис в хантыйском языке – аналитические формы перфектного типа (результатив, статальный пассив, статив). Эвиденциальность и перфектность в данном случае выступают как две стороны «одной медали»:

Хута ма наңен хулые каталлум, кат пелкемн иса еңк. Хулыет туманан лап тохарман ‘Где я тебе рыбку поймаю? По обе стороны один лед. Рыбки на замок заперты’; Кат пелкал карась воншийн,

нохар юхн *энумман*, мулты арат пусл, юхан, лор сята ‘Оба берега реки *заросли* высокими соснами, кедрами; дальше бесчисленное количество протоков, речушек, озер’; Хутты лув *шавиман вол*, ма ан номлэм ‘Где-то он *похоронен*, я не помню’; Наң муй мулхатл юхтыйлсан? – Юхтыйлсум. Овн туманан *пунман вос* ‘Ты вчера приходил? – Приходил. Дверь ваша на замок *закрыта была*’. Примеры подобного рода также рассматривались ранее [Николаева 1995: 149–153; Каксин 2000: 55–74].

Миратив в хантыйском языке – это причастные формы в финитном употреблении; о них уже достаточно много писали [Николаева 1995: 126–132; Каксин 2000: 75–96], здесь приведем только ряд примеров:

Щитали хонтты шурумтас – ма *вантмем!* [ПМА 1986] ‘И когда он встрепенулся – я *не заметил, оказывается!*’; Там йбшии хуват хоят ши *ибшиийлмал* [ПМА 1986] ‘По этой тропинке уже кто-то *ходил, оказывается!*’; Там корт вулэва ёх ши *юхтыйлттэл* [ПМА 1987] ‘На это наше насиженное место кто-то *приезжает, оказывается!*’; Ортнэнгем лангки сух эвалт ёнтум ай сахиелн огород ныр вура *тахарлумал* [ХЯ 06.06.98] ‘Дочь моей тети в своей беличьей шубке за жердь огорода *зацетилась, оказывается!*’.

Основной вывод сводится к следующему: имеется достаточно много языков, в которых есть специальные грамматические формы для выражения собственно модальных, эвиденциальных и миративных значений. В связи с чем наряду с категорией модальности необходимо выделить еще как минимум две функционально-семантические категории этого уровня – эвиденциальности и миративности. Все функционально-семантические категории одного уровня (модальность, эвиденциальность, миративность) имеют соответствующее наклонение (или ряд наклонений) глагола, формами которого они выражаются.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с франц. М., 1955.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Тр. Института русского языка АН СССР. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 38–79.

Каксин А.Д. Категория наклонения-времени в северных диалектах хантыйского языка. Томск, 2000.

Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

Кошкарева Н.Б. Модальное сказуемое в хантыйском языке // Компоненты предложения. Новосибирск, 1986. С. 33–38.

Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов // Российский государственный гуманитарный университет. М., 2001.

Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.

Николаева И.А. Обдорский диалект хантыйского языка / MSUA. Neft 15. М.; Гамбург, 1995.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2000.

Скрибник Е.К. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика) // Языки коренных народов Сибири: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 197–215.

Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. Серия «Теория функциональной грамматики» Л., 1990.

Черемисина М.И., Ковган Е.В. Хантыйский глагол: Методические указания к курсу «Общее языкознание» / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1989.

Черемисина М.И. Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1992.

Черемисина М.И. Язык как явление действительности и объект лингвистики: Учебное пособие по курсу «Общее языкознание» / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1998.

Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

Штейниц В.К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1937. Часть I. С. 193–227.

Flämig W. Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart. Inhalts und Gebrauchswesen. Berlin, 1959.

Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin, 1981.